

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Елена КОРОНАТОВА

МУМУКА

МУМУКА

Сынишка спросил:

– Мама, а лошади думают?

Занятая своими мыслями – использовать ли все отруби на картофельные оладьи или оставить еще на одну порцию – я машинально ответила:

– Нет, не думают.

Тут же последовало возражение:

– А дядя Егорша сказал, что лошадь – умная животная, раз умная, значит, думает. Ум – это когда думают? Да, мама?

Дядя Егорша для сына непогрешимый авторитет. Еще бы! Он старший конюх на приисковском конном дворе, где сын постоянно пропадает. Дядя Егорша берет с собой мальчишку, когда ездит за сеном, доверяет поддержать вожжи, напоить коня, поднести сена в ясли. «Животная» – это от дяди Егорши, слова из песни: «...кобыльная родимая сторонка...» – тоже от старшего конюха, и выражение которым сын нас, его родителей, однажды огорошил: «видать, буран будет, ядрена вошь» – явно к нам в дом пришло с конного двора.

– Мама, а мама, а наша Мумука королева, но она определенно думает. Я видел: ты ей чего-то говорила, а она головой кивала. Вот так, – и сын показал, как Мумука кивала головой.

– Это она паутов отгоняла.

– Нет, мама, у нее свой ум есть. Чужие ее зовут – она не идет, а ты позовешь – прямо бежит. Значит, соображает. Правда, мама?

– Она идет на мой голос, – и я приня-

лась что-то, не очень вразумительное объяснять об инстинктах и рефлексах. Меня занимало другое: никак не растапливалась плита. Сама виновата – позволила обмануть: выменяла возишко, всего-то несколько охапок, дров у заведующей золотоскупкой, раскормленной, громкоголосой, нагловатой бабищи. В нашем приисковом поселке она прослыла своим необычайным нюхом на вещи. Неизвестно, откуда ей было ведомо, что лежит в чемоданах у эвакуированных и служащих приисковой конторы, и что прячут в сундуках местные жители.

Узнав, что я хожу по дворам, пытаюсь узнать, не продаст ли кто дров, заведующая заявила к нам в крохотную квартиру в барачного типа доме и предложила воз дров – «от себя отрываю» – и мену сама назначила. Ее ухватистый взгляд сразу остановился на прикроватном коврике. «Говорят, у вас есть старинный подсвечник, – ласково запела она, прикиньте к коврику и по рукам – дровишки ваши». Что было делать? Навалилась полоса дождей, в барак сыро, дети кашляли.

Про заведующую женщины в поселке говорили: «Кому война, а кому мать родна».

Шел третий год войны.

Дрова таяли, шипели, плевались черным, едким дымком и никак не разгорались. Дочка отправилась в комнату и вытащила из-под кровати сухое полено.

– Возьми для растопки.

– Зачем спрятала? – удивилась я.

– Т-а-к, – уклончиво протянула дочка.

– Mam, а Людка много поленьев туда напратала.

– А ты – ябеда.

– Ма-а-м, а Людка обзывается.

– Не ссорьтесь, скоро оладьев напеку.

Дети уселись за стол, приготовились ждать. Они хотели есть. Они всегда хотели есть.

Сухая щепка выручила: дрова, наконец, разгорелись. Ах. Если бы добавить хоть полстакана простокваши в тесто – меси-во из картошки и отрубей – было бы и посытнее и повкуснее. Но о простокваше могли пока только мечтать. И я, и дети ждали: вот подарит нам Мумука теленочка, и мы с молоком! Сколько кушаний можно наготовить: морковное и картофельное пюре, тыквенную кашу, разные запеканки. С молоком и овощами зима не страшна. Молоко спасет детей от ма-локровия.

Мумукой корову называли дети. У прежних хозяев у нее была другая кличка. Но я не любила называть животных людскими именами. Корову мы купили в начале войны, когда приехали на очень дальние прииски, затесавшиеся за дремучей тайгой в крутых горах, где в ложбинах и летом таился снег. Мумука стала нашей кормилицей-спасительницей. Ведь продуктовые карточки не всегда отоваривались – бытовало такое выражение в военные годы. Рынка не было. На деньги никто ничего не продавал.

Коров в детстве я побаивалась. У хозяйки дома, где наша семья снимала квартиру, была бодливая корова, она кидалась на всех, кроме хозяйки. Мы, дети, спасались от нее на своем высоком крыльце.

Когда в нашей стае поселилась Мумука, я думала, что мне не преодолеть дурацкого детского страха. Но добрая соседка научила меня уму-разуму: «Ты к коровушке подходи с лаской, с добрым словом, вымечко обласкай, омой теплой водицей. От себя оторви, а ломток хлеба с солью, допрежь чем доить, подай ей». И я подавала, отрывая от своей дневной пайки. К радости, Мумука оказалась вовсе не капризной, как меня пугала ее бывшая хозяйка. На удивление быстро мы привыкли друг к другу. В ответ на мои слова она мумукала, как говорили дети. Скоро корова ко мне так привязалась, что ходила за мной следом: я в магазин, и она за мной, я на конный двор, и она за мной; скажу: «Жди!» – ждет. Невольно приходит на ум: «А лошади думают?»

Наконец, дети принялись уписывать оладьи, и тут неожиданно появился пастух: рябой, хромоногий мужичонка неопределенного возраста. Переминаясь с ноги на ногу, он медленно, спотыкаясь на

каждом слове, заговорил:

– Так вот, значит. Хозяюшка... Такие, значит, дела... Должен сообщить... пропала ваша коровушка...

Я почувствовала, как кровь отлила от меня от лица. Ноги задрожали. Я опустилась на табурет. Дети в голос заревели.

– Кажись, напужал вас. Худого не думайте. Не убивайтесь. Да, может, не пропала. Не то слово ляпнул. Может, убегла. Видать телится. У них такая порода – ежели приспичит, в тайге прячутся. Вы мужу-то скажите. Пущай коня возьмёт да поищет. Пасу я неподалеку, окрест поселка. – Пастух еще долго говорил, поглядывая, как дети уплетают оладьи. – Видать, оголодали без молока-то. Не горюй, найдется коровенка. Накажи мужику-то: пущай у гремучего ключика поглядит, по вдоль лесовозной дороги... Там она, поди, блукает... Пойду я... Уж не серчай... Хворый я... Кабы не хлебная пайка, ни в жисть не пошел бы в пастухи. Где мне за всеми углядеть.

Муж после работы оседлал коня и поехал на поиски. Два дня после работы он отправлялся искать корову. Нашел нашу Мумуку, но теленка нигде не обнаружил. Мы гадали: отелилась ли? Ничего мы, неопытные хозяева, в этом деле не понимали. Позвали соседку.

– Дело ясное, что дело темное, – глупокомысленно заявила она. – Вроде бы отелилась, но для достоверности позовите коновала.

Пришел ветеринар.

– Тут и гадать нечего. У таежных коров такая манера: отелиться в тайге, а тела припрятать. Ищите и обрящете.

В поселке поговаривали, что ветеринар никакой не ветеринар, а в прошлом был служкой в церкви. Но лечил он наших братьев меньших охотно и довольно удачно. Сам делал лекарства из трав, меда, дегтя.

Опасаясь, что Мумука убежит на ночь, оставили ее в открытом загончике из жердей. Нарвала я с ребятами травы, но Мумука есть не стала. Вела себя беспокойно, раскидала траву, опрокинула ведро с поилом, металась по загончику.

– Чего это она, а, мама? – спросил сынишка. – Может она про своего ребенка думает? Ну, которого в тайге оставила?

– Не ребенка, а теленка, – поправила дочь.

В этот вечер трудно было уложить детей спать. Сын все выбегал на крыльцо, подолгу простаивал у загончика.

– Мама, знаешь, чего он высматривает? Он ждет, что теленочек сам прибежит из тайги, – сообщила мне дочка.

Утром я обнаружила, что Мумука сбе-

жала. Вот она, материнская любовь. Любовь? Инстинкт?

«А лошади думают?»

И в этот раз муж отыскал нашу беглянку, почти на том же месте, у гремучего ключа, неподалеку от лесовозной дороги. Видимо, где-то там и был спрятан теленок. Все та же сердобольная соседка посоветовала запереть корову в стайке на замок. «Небось, железо не сломает», а утром пойдешь пасти ее. «Не выдержит, сама приведет тебя к теленочку».

Я так и сделала. Встала, чуть появившись за окнами рассвет. Наварила детям картошки, разделала хлеб на порции, нарубила дров, чтобы сразу, как приеду, натопить печь, натаскала воды. По утрам над низиной, где располагался поселок, стелился туман, и я боялась рано выгнать в тайгу корову, еще в этом беспросветном молоке потеряешь нашу кормилицу. Покуда возилась по хозяйству, туман расслоился, поднялся и залег в распадах гор.

Август клонился к закату, в горах осень уже вершила свои дела: осыпала бронзой хлипкие осины. Изукрасила киноварью резные листья рябин, тронула чуть приметной ржавчиной нежную хвою лиственниц.

В тайге, где в путанице чернолесья еще таился сумрак, было пронзительно до дрожи сыро. Мне не раз приходилось хаживать по тайге, и я снарядилась как надо: фланелевые шаровары заправила в сапоги, брезентовую старую шахтерскую куртку мужа, надетую поверх свитера, подпоясала ремнем потуже, так-то потеплее. Для спасения от гнуса повязала голову платком низко на лоб, концы вокруг шеи. В кармане спички (без спичек в тайгу не ходят) и краюха хлеба, завернутая в чистую полотняную тряпочку. Водились у меня еще с довоенных времен духи, вспомнила о них, когда шла в тайгу: говорят, их запах отпугивает комаров. Ничего подобного: комары нещадно жалили лицо и кисти рук.

Не знаю, кто из нас кого вел: я ли Мумуку, она ли меня вывела на лесовозную дорогу. К моему удивлению, Мумука никак спокойно не проявляла, спокойно пощипывала траву. «Ну вот, – решила я, – сейчас-то я тебя и обману». И я вроде бы вернулась, дошла до свертка и по-за кустами приблизилась к тому месту, где паслась наша коровушка. Прошло около часу. Она все также мирно похрумкивала травой. На меня напало сомнение: может, никакого теленка нет и в помине, и ветеринар ошибся. Но куда же тогда она убегала?

Туман еще путался в кустах, в высоких таежных травах, оседая сединой. Не по-

кидало ощущение, что вся одежда пропиталась сыростью. Я продрогла до костей. Гнус свирепствовал, лицо и руки от комариных укусов горели и зудились. Неужели зря терплю эту муку?!

Подул ветерок. Не сразу заметила, что верхушки тонких осинок клонятся в ту сторону, где пасется корова. А когда заметила, вспомнила совет соседки: «Сховайся супротив ветру, а то учует. Животина, она себе на уме».

«А лошади думают!»

Снова осторожно пробралась, прячась за кустами, на другую сторону дороги и, выбрав себе наблюдательный пункт – залезла на березу. В детстве я любила лазать по деревьям. Так что навык у меня был. Я приготовилась терпеливо ждать. Но долго ждать не пришлось. Очень скоро Мумука повернула голову в ту сторону, где я прежде пряталась, шумно ноздрями втянула воздух и трубно замычала. Подобного мычания я прежде никогда не слышала: в нем были и зов, и тревога. Мумука кинулась бегом по дороге. Обрываясь, царапая лицо и руки, я сорвалась с березы и помчалась вслед за ней. Не предполагала, что коровы могут так быстро бегать. Мне было трудно поспевать за ней по размытой дождями дороге, запинаясь о выпиравшие корявые корни деревьев. На сапоги налипла грязь. Намокшая одежда казалась невероятно тяжелой. Нет, не могла я победить в этом своеобразном марафоне. Отстала и потеряла из виду Мумуку. Остановилась перевести дыхание. На влажной земле резко отпечатались следы коровьих копыт. Бежать я уже не могла, шла, поспешая, и не сразу заметила, что следы оборвались.

Повернула обратно. Не растворилась же она в воздухе? Видимо, где-то повернула в лес. Но где? Куда? По одну сторону дороги, сквозь густой ельник проглядывались темные бугры бурелома – вряд ли корова продралась бы через них; по левую сторону дороги – тянулась старая просека, заросшая высокими травами. В тайге, да еще в горах. Солнце с трудом пробивается сквозь чащобу, и травы тянутся к солнцу. Куда же идти? Может, она свернула в просеку? Тут и обрывались следы. Решила обследовать просеку. Пройдя несколько шагов, заметила, что травы полегли в разные стороны, образуя как бы травяной коридор. Кончилась просека, и снова ельник, тонкостволный осинник, хмурий кедр, где с ветки на ветку летали шустрые белки. Шла наугад а когда попыталась вернуться к просеке – не нашла ее и поняла, что заблудилась.

Год назад двое старшекласников в начале сентября отправились на охоту. Повалил снег, разыгралась метель. Об-

глоданные скелеты нашли весной... С тайгой не шутят.

За деревьями мелькнул просвет, я направилась к нему и вышла на порубку. От усталости, возможно, и от волнения, ноги дрожали, и я опустила на первый попавшийся пенёк. Лицо от царапин и комариных укусов горело. Я провела руками по траве и приложила влажные ладони к лицу, закрыла глаза. Отдохну, и надо выбираться. А вдруг Мумуку больше не найти? Мало ли что... Ногу сломала, или медведь... Не надо было выпускать ее из дома. Теперь важно самой выбраться. Найти бы гремучий ключ, по нему можно выйти к поселку.

Почудилось, будто мыкнула корова. Нет, наверное, показало. Вскочила и живо огляделась. Совсем неподалеку, всего в нескольких шагах, в осиннике стояла Мумука, а рядом – красный, на нетвердых, растопыренных ножках теленок жадно теребил вымя.

Это были минуты подлинного счастья.

Я обняла свою корову и, не понимая, кому говорю, повторяла: «Ну, зачем ты убежала? Ну, зачем?» Мумука глянула на меня своими огромными, подернутыми блестящей голубоватой пленкой глазами, и мне почудилось, что я прочла в коровьих глазах: «Ну, что ты, глупая. Видишь, я здесь...»

«А лошади думают?..»

Вытащила из кармана краюшку хлеба, завернутого в тряпочку, и заметила. Что у меня дрожат руки. «Хватит психовать, – приказала я себе. – Нашлась же. Нашлась...»

Мумука мыкнула – поблагодарила. Насытившись, теленок отвалился от вымени, и я схватила его на руки и, всё еще плохо соображая, что делаю, потащила его в первую прогалину между деревьев. Скоро я почувствовала, что драгоценная ноша мне не под силу – давало знать постоянное недоедание. Задохлась, руки одеревенели, и я опустила теленка на землю. Оглядевшись, поняла: я опять сбилась с пути.

Где же дорога к поселку?

Как только я выпустила из рук теленка, Мумука повернулась и направилась к вырубке. Корова вывела меня на травянистый коридор, затем на лесовозную дорогу. Теленок, красный, крутолобий, то семенил рядом, то прыгал. Если он отставал, Мумука оборачивалась, поджидала. Когда шли мимо лужайки, где я стерегла нашу кормилицу, мне невольно подумалось: интересно, кто кого караулил?

«А лошади думают?..»

Теперь я способна была и иронизировать.

Наконец, и трудный путь, и страхи позади. Показались первые избы и бараки, и отовсюду – из окон, из оград женщины, завидев меня, махали руками, приветствуя. Иные подходили.

– Слава тебе, господи, нашлась коровушка.

– А мы-то горевали: муж – хворый, сама как тростинка. Ребятки, поди, без молока-то отошшали.

Старуха с испытанным лицом (такие лица встречались среди давних поселенцев Сибири) сказала:

– Мы, бабы, промеж себя порешили: коль не найдется коровушка, пойдем искать всем миром.

В войну мы были участливее, жалели друг друга. Помогали.

Кто, когда, в какое недоброе время утвердил, что жалость унижает человека. Но ведь недаром в народе, почему-то называемом простыми людьми, слово жалость было синонимом слова – люблю. Говорила мать: «я его жалею», что означало – люблю.

Они сидели рядом, как взъерошенные воробы, на бревне у барака, где мы жили. Издалека завидев нас – меня и Мумуку с теленком – кинулись нам навстречу. Что они кричали? Мама! А может: Мумука?!

ФОТОГРАФИЯ

Бережно храню старую фотографию. Нет, она не пожелтела от времени, не появились на ней трещинки – ведь она сделана на твердом картоне. Ну, разве чуть поблекла.

Когда приходят ко мне друзья, они обычно подолгу разглядывают эту фотографию. Мама снята почти в полный рост, в гимназической форме: длинное платье и передник с пелериной, глухой стоячий воротник и такие же тугие (это заметно на снимке) белые манжеты. На пышных волосах меховая шапочка, руки спрятаны в небольшой муфточке.

На обратной стороне фотографии надписи, из которых явствует: владелец фотографии Д. Пассети, а ниже строки: «Гранд При Париж 1900, а еще ниже – «Гранд При Ст. Петербург 1903 г.» В уголке чернилами надпись рукой мамы: «Петербург ноябрь 1905 г.» Сколько же лет фотографии? Посчитаем.

Не устаю любоваться: удивительно милое лицо, так и светится оно нежностью, душевной чистотой. Во всем облике столько изящества, достоинства и никакого позерства. Впрочем, это ведь моя

мама! Но ведь почему-то и друзья подолгу задерживают свой взгляд на старой фотографии. Но однажды в Переделкинском доме творчества (в разное время) я показала фотографию (постоянно возила ее с собой) двум своим приятельницам. Одна воскликнула: «Какое прелестное лицо!» Другая сказала: «Какая прелестная шапочка».

Каждому – свое.

БЛАГОРОДНЫЙ ОТЕЦ

Как ни осторожно шофер вёл машину, она то и дело шла юзом. Накануне обрушился первый ранний снегопад, а с утра стало таять. Грузовики размесили шоссе...

Я ехала в подмосковный дом творчества – Малеевку. Раза два мы наткнулись на опрокинутые легковые машины. Желая отвлечься от не очень-то приятных мыслей, сидя позади водителя, я пыталась разглядеть мелькавшие по обеим сторонам дороги то ли деревни, то ли дачные поселки. К водителю с расспросами не лезла, не до разговоров ему – дай бог не застрять, не перевернуться.

Наконец въехали в лес, дорога стала лучше. Внезапно машина остановилась. Почему-то в салоне потемнело. «Что случилось?» «А вы поглядите», – с улыбкой произнес шофер. Опустив стекло я выглянула и – о, чудо! – увидела ветвистую горделивую голову лося, сильные передние ноги. Почему лось не убежал? Почему встал, как вкопанный перед машиной?

«Да вы поглядите влево!» – воскликнул шофер.

Из леса, пугливо озираясь, шла лосиха, к ней, перебирая тонкими ножками, лепился лосенок. И только когда лосиное семейство перебралось через дорогу, прыгнул с места лось-отец.

В смотровое зеркальце я видела, как долго-долго улыбка не сходила с лица пожилого водителя. А меня-то заверяли, что лось не пестует своих детенышей, сразу же покидая свое семейство. Ну, значит,

мне на подмосковной дороге повстречался лось – благородный отец.

ДЕТИ-ПТИЦЫ

В середине 60-х годов во Львове, где я жила в ту пору, ко мне погостить приехала дочь со своей дочуркой, внучкой, которой вот-вот должно было исполниться три годика. Как все внучки, она, конечно же, была замечательным ребенком. Но одно ее качество меня действительно поразило. Дело было так: дочь поехала знакомиться с примечательностями города. А я с внучкой отправилась в магазин.

Надо сказать: мы жили за чертой старого города – в Новом Львове, стандартном жилом массиве. Довольно унылая улица: с одной стороны шоссе – пустырь, за ним виднелись когда-то бывшие частными владения, одноэтажные дома – каждый на свой лад, окруженные небольшими садами, густо заросшими раскидистыми деревьями. А вот по другую сторону шоссе и начинался Новый Львов – порядок, торцом к дороге, безликих домов-коробок. Один от другого не отличишь. На краю этой однобокой улицы находился продуктовый магазин.

Сделав покупки, мы вышли из магазина, и я сказала внучке: «Забыла, где наш дом, сейчас ты меня поведешь». Девочка любила подобные игры. С деловым видом внучка вышагивала впереди меня. Идет маленький человечек в шубке, подпоясанной цветным кушачком, в меховом капоре, пестрых рукавичках. Шла, не оглядываясь, уверенно минуя повороты. А ведь зима способствовала безликости, снег занес и кусты, и цветочные клумбы. Свернула внучка, где полагалось, поднялась на нужный этаж и остановилась у нашей двери. А ведь все подъезды одинаковые, двери одинаковые, а цифр девочка не знала.

«Дети, как птицы, – подумала я, – неужели запомнила? Или особое чутье, свойственное братьям нашим меньшим?»